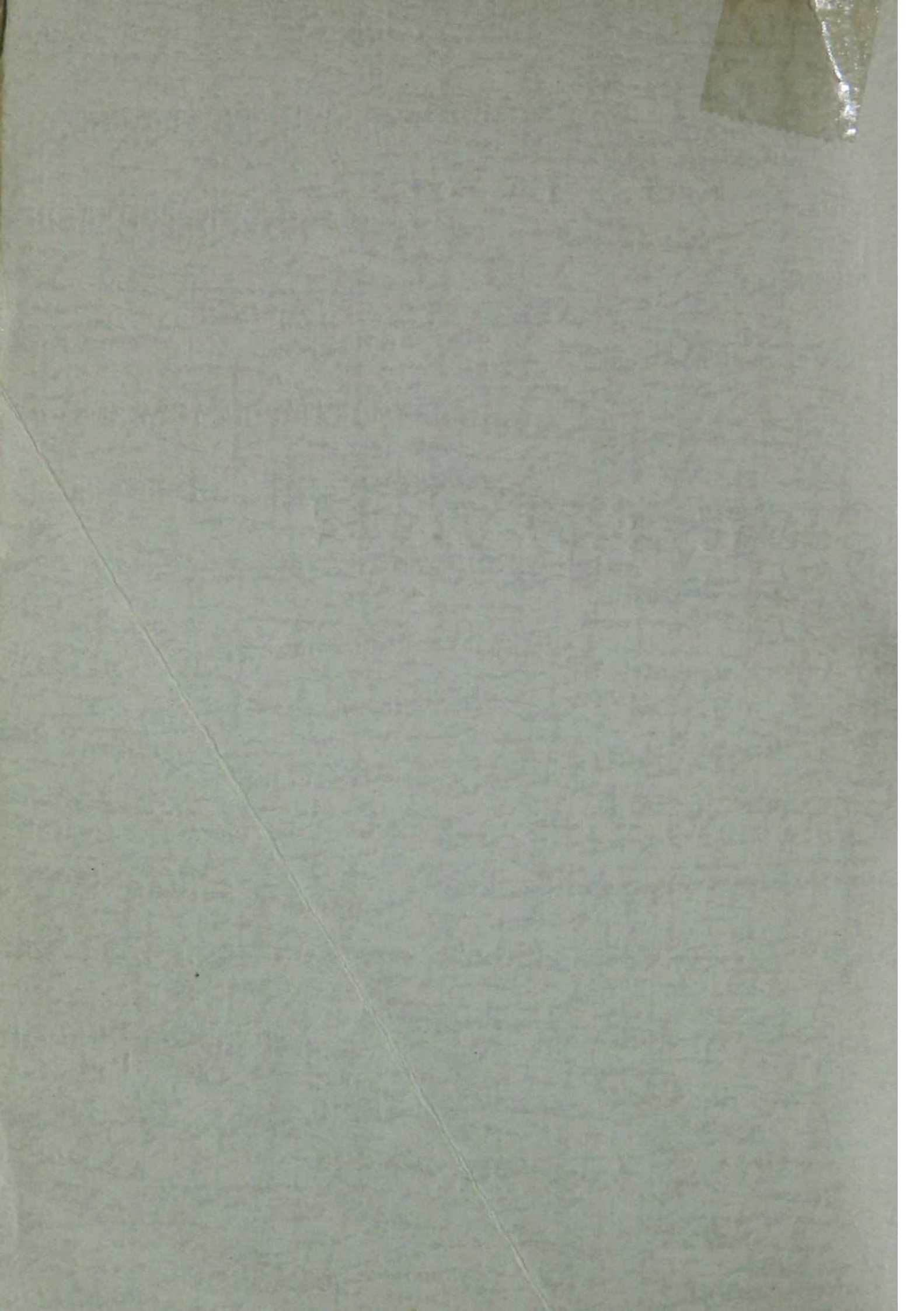

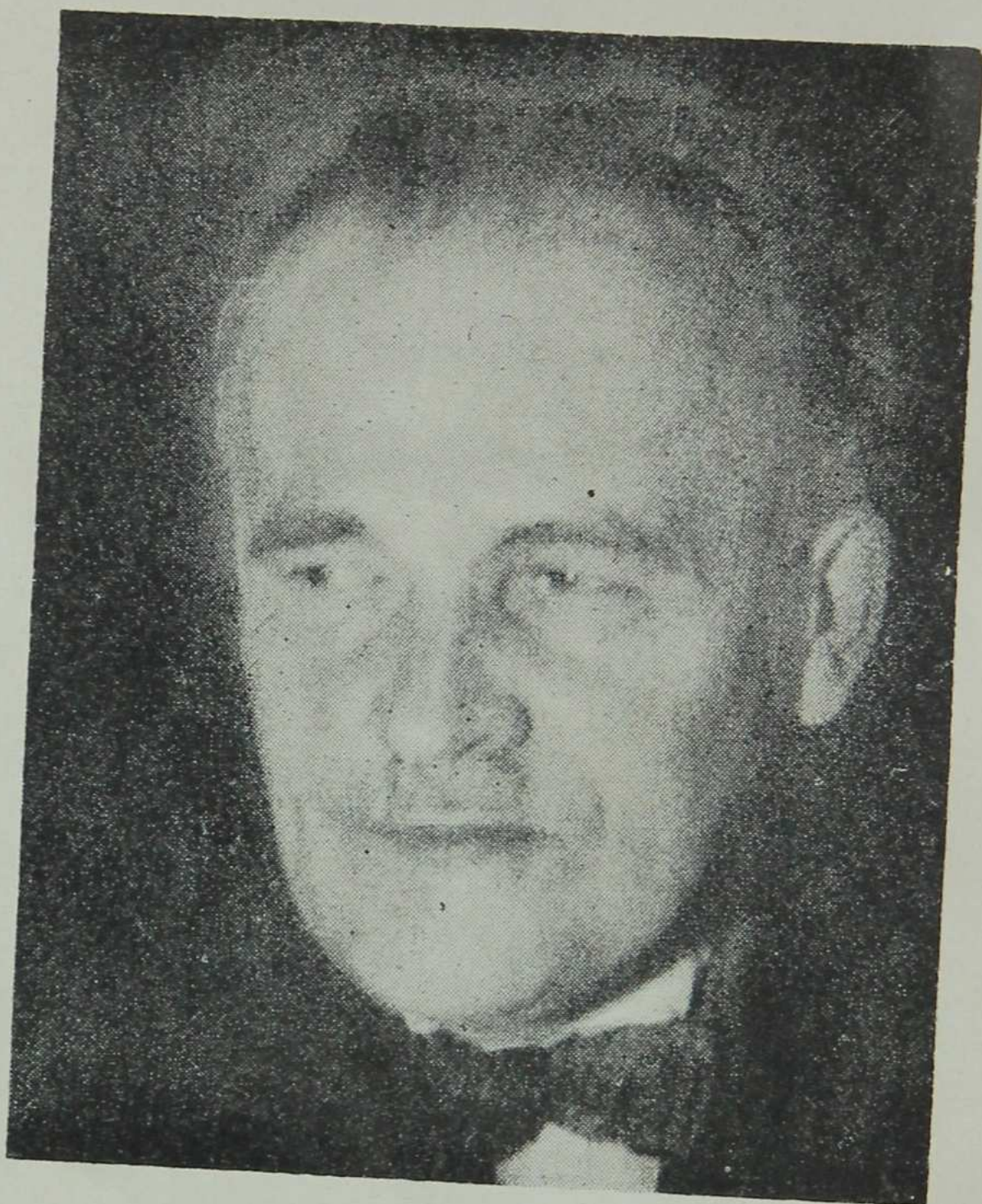
84/2P/6
996

Е. Е. ЯШНОВ

С Т И Х И

1947 г.

Э. Э. Гурнов

8462р/6
Я 96

Е. Е. ЯШНОВ

С Т И Х И

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

1947 г.

Э. Э. Гинзбург

84(2р/6
Я 96

Е. Е. ЯШНОВ

С Т И Х И

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

1947 г.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
ИРКУТСК ✓
498 р. ф. ✓

ГЦ ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

Е. Е. ЯШНОВ

(1881 — 1943)

Приступая к изданию стихов покойного Евгения Евгеньевича Яшнова, необходимо сказать, что в кругу знавших его лиц и в кругу людей, интересующихся экономическими проблемами Китая, он был известен, главным образом, своими работами по китайской экономике и статистике.*) Но, даже среди самых близких друзей, мало кто знал Е. Яшнова как поэта, хотя он писал стихи всю жизнь с самого раннего юношества. В свои последние годы он собирался издать их, но этому помешала разразившаяся на Дальнем Востоке война. Принимая сейчас на себя эту задачу, считаем необходимым прежде всего познакомить читателей с его биографией, с теми этапами его жизни, которые отразились в его поэтическом творчестве.

-
- *) В годы его жизни в Китае им написаны книги:
«Китайское крестьянское хозяйство в
Сев. Маньчжурии» Харбин. 1926 г.
«Китайская колонизация Сев. Маньчжурии и ее
перспективы» Харбин. 1928 г.
«Население и крестьянское хозяйство Китая».
Харбин. 1928 г.
«Сельское хозяйство Китая в цифрах» Харбин. 1933 г.
«Особенности истории и хозяйства Китая».
Харбин. 1933 г.
«Очерки китайского крестьянского хозяйства».
Харбин. 1935 г.

Вот что сообщал он сам Милию Федоровичу Достоевскому в ответ на присланную 16 июня 1928 года анкету:*) «Родился в 1881 г. 28-го ноября на Норской мануфактуре в 12 верстах от Ярославля. Отец, Евгений Григорьевич Яшнов, по происхождению крестьянин Нижегородской губ., Княгининского уезда, села Большое Мурашкино. С юности он был отдан на сторону на службу и специализировался на покупке льна для льнопрядильных фабрик; в этой роли он служил на Норской мануфактуре, где и умер в конце 1885 года (34 лет), когда мне было 4 года. Мать — из Ярославских мещан; оставшись после смерти отца со мной — единственным ребенком, она проявила удивительную энергию и самопожертвование; одно время работала простой работницей на фабрике, зарабатывая 12-15 руб. в месяц и ухитрилась обучить меня не только в начальной школе, но и в городском училище (Ярославль). Городское Училище окончил в 1897 г. Продолжению школьного образования помешал недостаток средств и юношеские политические передраги (с 1899 по 1904 г. г. был три раза арестуем; в 1902-1904 г. г. жил в ссылке в Вологде). С 1899 г. существовал корректорским и литературным трудом, работая в «Северном Крае», «Самарской Газете», «Самарском Курьере», «Нижегородском Листке» и др.

*) Нам неизвестно точно, кто этот М. Ф. Достоевский и почему была прислана эта анкета. Известен только его адрес: Москва, «Престарелых Ученых ЦЕКУБУ». По времени эта анкета совпадает с постановлением Государственного Географического Общества о присуждении Е. Яшнову медали за его книгу «Китайское крестьянское хозяйство».

(См. Отчет о деятельности Гос. Русск. Геогр. О-ва за 1928 г.)

изданиях. В 1905 году переехал в Петербург и писал в «Новостях Жизни», «Товарище», «Голосе», «Волне» и т. д. За время 1899-1908 г. г. мною написано несколько десятков рассказов и стихотворений.

Статистическая работа началась во время Вологодской ссылки: счетчиком в Оценочном Бюро местного Губернского Земства. В 1907 г. я уехал в Туркестан, где вскоре стал работать в Управлении переселенческим делом в Сыр-Дарьинском районе, главным образом по исследованию киргизского хозяйства. Эта работа продолжалась в 1908-12 и 1914-15 г. г.; 1912-1913 годы работал статистиком в Оценочном Бюро Самарского Губземства. В 1915 году был откомандирован в Управление делами Особого Совещания по продовольствию (после Революции преобразованного в Министерство продовольствия). Здесь я проработал, заведя продовольственной статистикой, до осени 1917 года, когда переехал в Омск. В Омске работал по продовольственной и кооперативной статистике. В конце 1919 года переехал во Владивосток. Здесь был консультантом и Секретарем Совета Ведомства Финансов (при правительстве Антонова). В 1921 году переселился в Харбин и с этого же года до сих пор состою агентом Экономического Бюро Китайской Восточной Жел. Дороги».

От себя прибавим, что осенью 1935 г., после продажи этой дороги японцам, Евг. Яшнов уехал, сначала в Тяньцзинь и Пекин, а потом, в 1938 г. в Шанхай, где и оборвалась его жизнь.

Из этого краткого сообщения самого Е. Яшнова можно видеть, что с 1899 г. и по 1917 г. он нигде не заживался подолгу. Он сам себя называет «скитальцем». «Жребий мой скитаться по дорогам», — говорит он в одном из своих стихотворений и снова повторяет в дру-

гом месте: «Скитание — наше с конем ремесло». Еще в самой ранней юности, почти мальчиком, по глухим проселочным дорогам, прошел он от Ярославля до Астрахани, только иногда подсаживаясь на плоты, баржи или просто в лодку. Тогда же он прожил некоторое время в рыбацьем стане, за Астраханью...

После арестов и ссылки он жил около двух лет в Петербурге и Москве, некоторое время скрывался в Финляндии и не надолго выезжал за-границу в качестве корреспондента от какой-то газеты. Побывал он тогда в Италии, в Вене и в Берлине. Делясь впоследствии своими впечатлениями о Берлине, он рассказывал, что каждый берлинский дворник уже в то время собирался завоевывать Россию. В эти годы были напечатаны две его книги: в 1906 г. сборник «В Каменном городе» и в 1907 г. — «Голоса молодости».*) В

*) С этими книгами мы не знакомы и о существовании их узнали только недавно: в третьем томе Литературного Архива, изд. Академии Наук СССР, 1941 г., есть два письма М. Горького к В. Миролубову (Стр. 91 и 95), в которых М. Горький пишет о стихах Е. Яшнова, и там же /на стр. 96-ой/ упоминаются эти две книги.

Приводим текст этих двух писем:

Март 1912 г. Дорогой Виктор Сергеевич! Посылаю письмо Прапорщикова, Стихи Яшнова. Брусянин ждет ответа, — что Вы скажете ему? А. Пешков.

Апрель 1912 г. Дорогой Виктор Сергеевич!... Стихи Блока переданы Пятницкому, но он их вернет Вам. Мне они покасались пустыми. У Яшнова, не смотря на «плечи Ра» были стихи интереснее.

. . . Яшнов, Евгений Евгениевич, автор книги «В Каменном городе» /ПБ. 1906 г./ и «Голоса молодости» /ПБ. 1907 г./.

М. Горький, очевидно, знал Е. Яшнова по работе в тех газетах Поволжья, о которых упоминалось выше. В них работал и Горький в первые годы своей литературной карьеры.

1907 г. Е. Яшнов уехал в Туркестан. Там началась его самостоятельная статистическая работа, а вместе с тем и его многолетние скитания. Все летние месяцы 1908, 9, 10 и 11-го годов производил он статистическое обследование киргизских хозяйств*), переезжая верхом из аула в аул, из одного кочевья в другое. Он был очарован природой Киргизии, ему нравился быт кочевого народа. Он говорил, что любой киргиз — поэт. В одном маленьком стихотворении, посвященном Н. С. Ашукину, есть строчка «еду я к киргизам за стихами». (Между прочим, киргизский язык Яшнов знал настолько, что мог говорить без переводчика). Киргизские стихи его составляют самый большой цикл.

1912 и 1913 годы Е. Яшнов работает в Статистическом Отделе Самарского губернского земства. Два лета подряд провел он в обследованиях крестьянских и помещичьих хозяйств и близко познакомился с бытом дореволюционной деревни — помещичьим и крестьянским. (На эту тему написаны им очерки «У истоков», напечатанные в одном из толстых журналов). Тяжелы были его впечатления от тогдашней полунищей деревни, от озлобленных, изверившихся во всем крестьян, которые часто встречали его как врага.

Но когда он рисует картины родной природы, бедные селенья, глухие проселочные дороги, старые убогие церковки, он чувствует свою неразрывную связь со своим народом. Тревога за судьбу родины всегда живет в его сердце, Эти чувства нашли свое отражение в его стихах: «По Руси», «Осеннее утро» и др.

*) По современной терминологии «Казахских».

В 1913 г. ему поручают статистическое обследование хозяйства русских переселенцев в Северной Персии. На этот раз, это уже настоящее скитание по знойной, пустынной степи, большей частью верхом и только вдвоем с проводником. Он терпит физические лишения, иногда подвергается опасности даже его жизнь — редкое население было очень враждебно и дико. В этих скитаниях рождается цикл стихов «На пути в Афганистан».

В начале 1915 года его отзывают из Персии для работы в Петроград. В течение всей войны (до конца 1917 года) он работает в качестве заведующего сельскохозяйственной статистикой Министерства Продовольствия. Теперь он отрывается и, как оказалось, навсегда, от природы, которая была для него главным источником вдохновения. Он умел писать «пейзаж», если так можно выразиться. Такими «пейзажными» стихами являются его: «Речка Тананычка», «После дождя», «Акварели». Е. Яшнов иногда целыми неделями буквально жил в степи, не имея по ночам над головой никакой другой крыши, кроме звездного неба. Эти ночи и это звездное небо описывает он в цикле стихов, так и названном — «Степные ночлеги».

Остается теперь сказать о тех стихах Е. Яшнова, которые написаны им в тяжелый, «городской» период его жизни. Этот период начался с Петрограда и окончился в Шанхае.

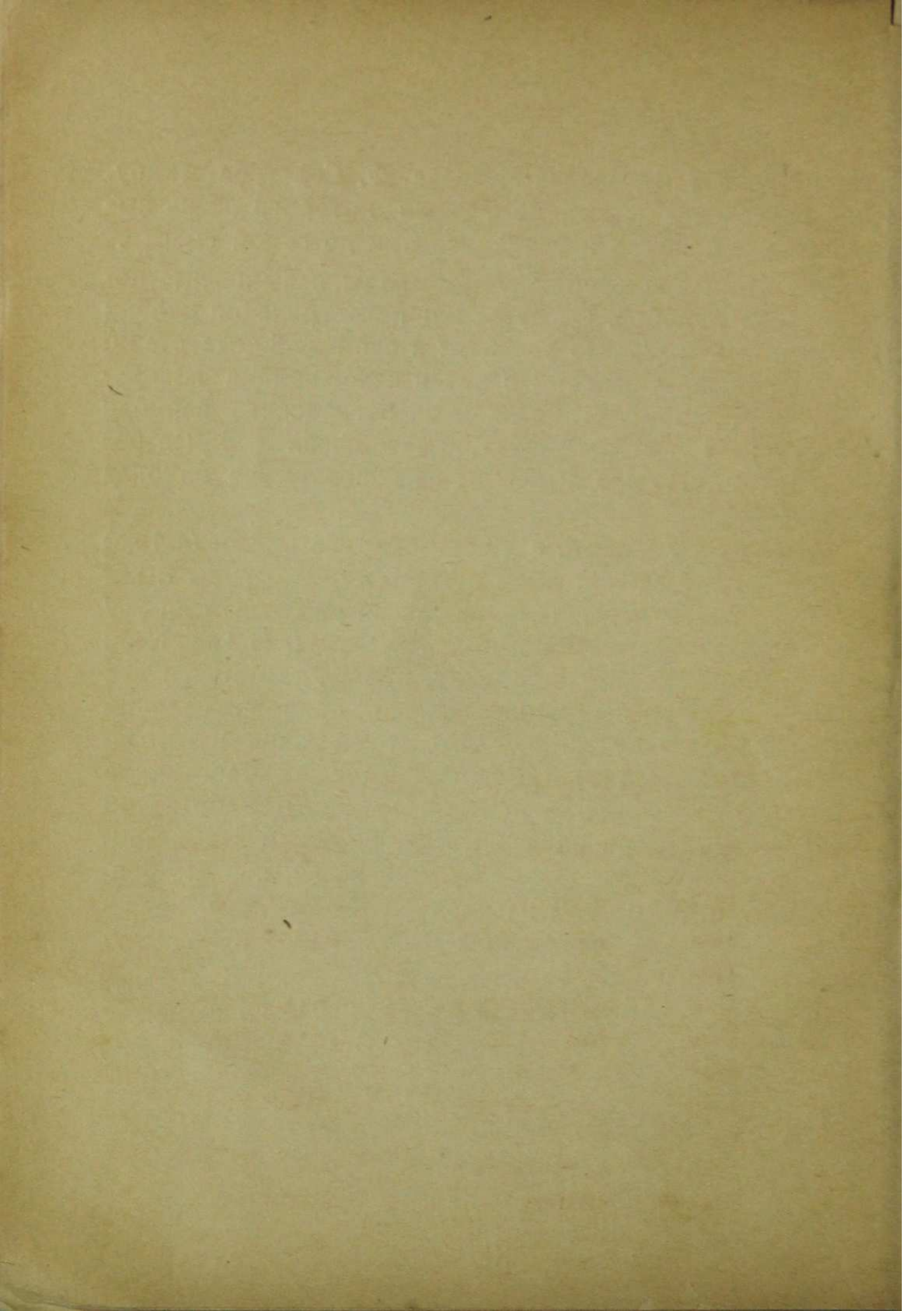
В Петрограде он живет напряженной, насыщенной тяжелой работой, жизнью. Надо было кормить армию. Он и его сослуживцы работали по 10 и больше часов в сутки. В свободное от работы время он встречался с людьми из петроградских литературных кругов. Он

знал в ту пору Вячеслава Иванова, Ф. Сологуба и других. Встречался с Блоком, стихи которого очень высоко ценил, понимал и увлекался ими до самой смерти.

Это были предреволюционные годы, насыщенные политической борьбой. От сутолоки петроградской жизни Яшнов опять мысленно уносится в свои любимые степи, он живет воспоминаниями о них и надеждой на возвращение к природе. К стихам петроградского периода относятся: «Огни трепещут», «Заворожил нас Петроград» и др. Но его надежды на возвращение никогда не сбылись.

Последние двадцать с лишним лет его жизни (с 1920 до 1943 г.) прошли в отрыве от родины. Эти годы были для него тяжелыми. Правда, за этот период времени ему все же удалось два раза побывать в России. В 1923 г. он ездил в командировку в Москву, провел там почти два месяца, увидел многих своих друзей, похоронил любимую двоюродную сестру. Ездил он еще в Хабаровск, кажется, в 1927 г., на съезд научных работников по изучению Дальнего Востока. Он много работал по своей специальности, изучая Китай, но стихи все же писал не переставая. Повидимому, многие из них потеряны, потому что он писал на клочках бумаги, на календарных листках, на черновиках своих работ и мало думал о сохранении их.

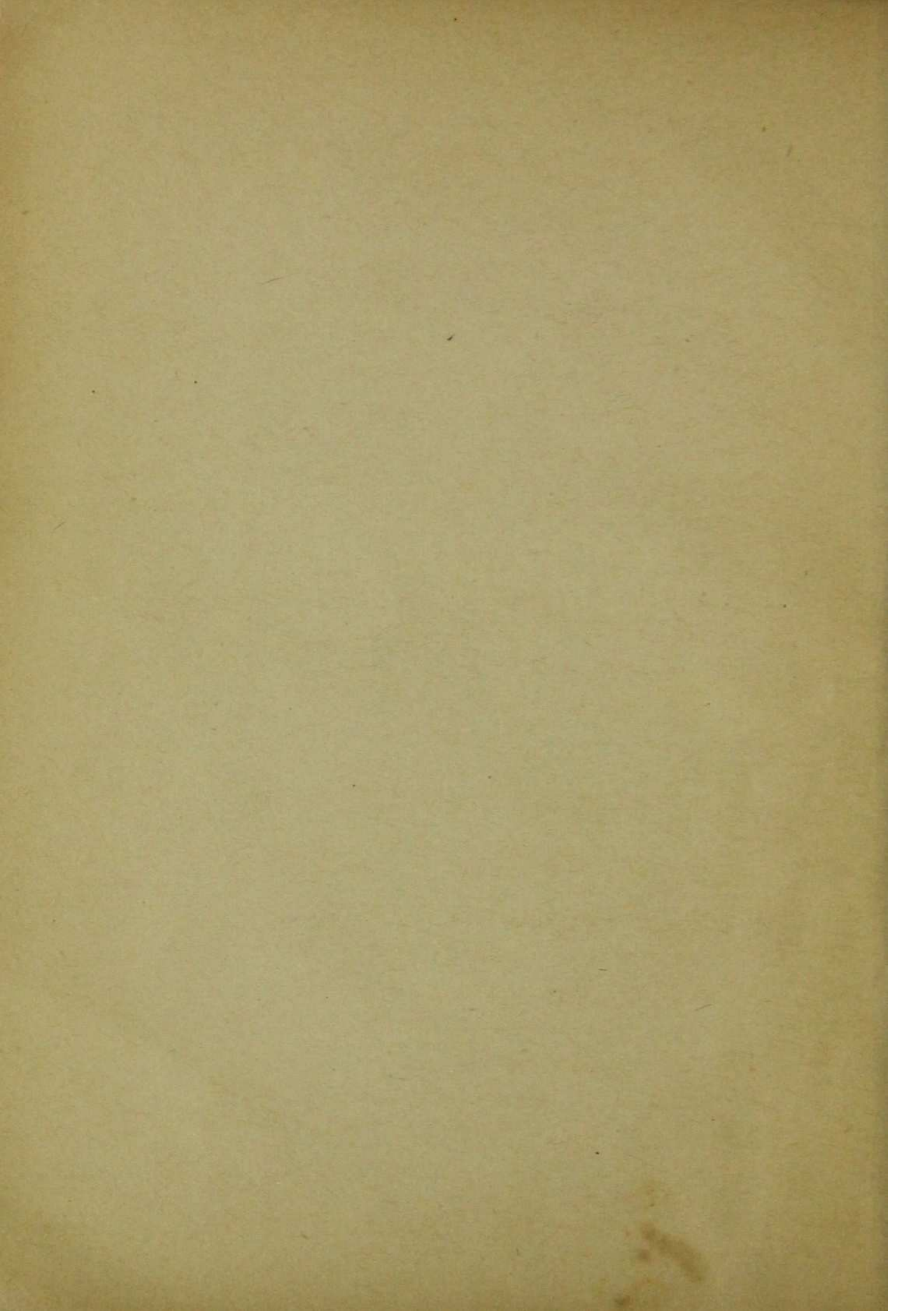
Умер Е. Яшнов в Шанхае 25 июня 1943 г., не дожив до конца войны, но все же узнав о Сталинградской победе.

По Руси

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр:	Строка:	Напечатано:	Следует читать:
10-ая	15-ая	кирпского	кипрского
17-ая	3-ья	неотвязной	неотвязой
36-ая	3-ья	Тут	Туч
55-ая	3-ья	сребристый	сребристые
62-ая	9-ая	слышится	слышатся
63-ья	6-ая	угзоры	узоры
72-ая	2-ая	бесмолвьи	безмолвьи
75-ая	год	1974	1914
78-ая	5-ая	в пустыни	в пустыне
81-ая	7-ая	тройка	тропка

ПО РУСИ

Весело проселками идти,
Чайником позвякивая звонко,
Жизнь свою растрачивать в пути
На тебя, родимая сторонка.

Над прудами шум зеленых верб,
В поле — ржи, беременные житом,
Городских застав слинявший герб,
В номерке приют ногам разбитым.

Старые усадьбы, хутора,
Села, кстау, пастбища Алая,
Берега Амура и Днепра,
Русь столикая снаружи, но родная.

Теплинка в безлюдии ночном,
Одинокий голос дергачиный,
И какой то вещий мрак кругом
Над бескрайной русской равниной.

Библия зеленая — ты, Русь,
Песней песнь, и эпос, и пророки!
У тебя стихам своим учусь,
Ненасытно чту живые строки.

Растекусь весною по степям,
Подработаю косой за лето,
Уведет сентябрь опять к друзьям
На Арбат, в каморку для поэта!

11-II-1914

Москва

ПОЛДЕНЬ

Стучится ветер в тусклое окно,
Блуждает полдень по селу без крова,
И иногда смерча веретено
Взлетает вдруг из-за гумна попова.

Христос глядит, понурившись, с лубка,
На язвы крестные налипли мухи.
С полатей виснет черная рука
И слышен хриплый бред больной старухи.

Мужик давно следит за мной в упор,
А баба злобно грохает ухватом,
Как будто я переодетый вор,
Подкравшийся к их скарбу и заплатам.

Я чувствую, нет веры у меня
И нет надежд. И рвусь душой, мечтая,
К киргизам на кочевья, на коня,
За Фергану в далекий край Алая.

Лишь издали люблю свою страну,
Вблизи-ж любовь сомненьями разрушу,
И, словно муж обманутый, клянупу
Ее обманную растерзанную душу.

1912.

Нижн. Быковка.

СТАРОСТЬ

Безмолвье вечернее над храмом природы,
В реке отражается зари огонек.
Отец Иннокентий на затихшие воды
Тихонько закинул из кустов поплавок.

Из детства знакомое на сердце все то же
С зеленою милою землею родство,
И молится старенький: — о, Господи-Боже,
Прости иерею суету-баловство!

А сам смотрит ястребом на поплавок с пригорка:
Зевать с рыбьим людом на рыбалке нельзя!
Глядишь, и повытаскал ершишек ведерко,
А нынче так даже на полфунта язя.

Заря догорела. Заплетаются косы
Туманов серебряных вокруг камыша.
Спадают обильные июльские росы,
И каждая в мире утихает душа.

От старости батюшка простудлив и зябок,
Торопится к ужину, звеня котелком.
Поймал он довольно, вечерять да и на бок:
— Спасибо-Те, Господи! спокойно живем!

1913.

Пустынька.

ОСЕННЕЕ УТРО

Н. А. Ашукину

Над Заволжьем за горами,
Осенью даря,
Смотрит сонными очами
Бледная заря.

Взмыла к небу уток стая,
Крикнула: прощай!
Холодеет Русь святая,
Мой родимый край.

Грязь, проселки и овраги
Да сухой репей...
Холодеет грудь бродяги
Меж могил-полей.

Прожил жизнь я, Русь, с тобою
Всю в одной судьбе.
В час предсмертный головою
Приклонюсь к тебе!

12-УIII-913

Петров. Выселки.

НИЩИЕ

1.

Герасим на чужом крыльце
Жует краюшку хлеба.
Бог смотрит в солнечном венце
С высокой крыши неба.
Давно бредет старик с сумой;
Глаза и ноги плохи;
В спине-ломота и порой
В суме — лишь соль да крохи.
Худые стали времена:
Засухи, безземелье;
Душа мужицкая темна,
Не милость в ней, — похмелье.
Герасим думает: давно-б
Мне надо лечь в могилу,
Дощечек я припас на гроб,
Да саван не под силу...
Господь ему:
— В рубахе лечь
Ты можешь, раб Герасим!
А мы венцом небесных свеч
Твой бедный гроб украсим...

1913

Кр. Городищи.

2.

Видит плохо, жизнь слабее,
Лишь бы думать о душе, —
Дед арбузы богатея
Караулит в шалаше.

Дети спят в гробах сосновых,
Там же спит давно жена.
Вся помога — два целковых,
Пудик ржицы и пшена.

В шалаше тепло от мяты,
Образок висит в углу.
Дед на ощупь вокруг заплаты
Тычет ржавую иглу.

Доживает год за годом
На последние гроши,
И светлеет пред отходом
Смутный мир его души.

И невидимое зримо
Для его столетних глаз:
По бахчам проходит мимо
С посошком смиренный Спас.

Он не там, не на престоле,
А в пыли мужичьих нив,
Чтоб скудеющее поле
Пожалеть, благославив.

В армячишке старом, рваном
Над землей, скорбя поник,
Ноги ранены бурьяном,
И в слезах пречистый лик.

Жалко стало деду Бога:
Сам Господь и бос, и пеш!
— Вниди, просит он с порога,
Хлебца с дынькою поешь!

Заблестели звезды ярче,
Как раздался Божий глас:
— Скоро сам ты будешь, старче,
Гостем праведным у Нас...

1913
Репьевка.

БРОШЕННАЯ ИЗБА

Изба пуста, забита.
Рукою старины
Рассыпанное жито
Кустится вокруг стены.

На месте крыши-жерди,
Дупло трубы печной
Торчат в небесной тверди
Ребристой чернотой.

Лопух разросся пышно —
Тщеславной смерти спесь.
Как тихо! словно слышно,
Как кто то дышит здесь.

В избе от паутины
Повис кадильный дым,
И пахнет горклой глиной,
Болезнью и былым.

Чу, охнуло за печью
Усталое бревно.
Не прошлое ли с речью
Ко мне обращено?

В трухе из старых досок,
Как в памяти людей,
Не жив ли отголосок
Давно минувших дней?

Быть может, в мире тленья
Не смерть, а скорбь для нас,
И не найдешь забвенья
Себе в последний час.

Увидят праха груды
Потомки надо мной, —
Я так же охоть буду
Бессонною душой.

И, полусгнившей костью
Хрустя из темноты,
Проплачу внуку-гостю:
Страшись бессмертья ты!

31-УИ-1913.
Коровино.

ВЕЧЕРОМ В МАРТЕ

Люблю свою вечернюю прогулку,
На небесах небрежный звезд набросок,
Среди домишек гулкой отголосок
Замедленных шагов по переулку.

Люблю и женщину в пальтишке рыжем,
И флигельки хиреющего быта,
Где вешний ветер по железным крышам
Влачит свои звенящие копыта.

И лай цепной собаки в подворотне,
И бой часов печальный у Николы,
И сторожа, что, запахнувши полы,
На лавочке пришипился дремотней.

Люблю Заволжье с мартовскими мглами,
Неисходимой Руси даль ночную,
И, словно кирпского вина, над нами
Томлений древних чашу пролитою.

И хочется бездомным быть поэтом,
Поющим о любви, вине и славе,
Весенним ветром в темном мире этом,
Бродягой, засыпающим в канаве.

1913.

Речка Тананычка,
Вечер, путь степной,
Балагурит птичка
Божия со мной.

Вижу я : над миром
В голубой дали
Тучки белым клиром
К Богу подошли.

Выглянули мыши
Из норы своей.
Мир темней и тише,
А душа — светлей.

1913

РОДИНА

Ветер тучи над полями гонит;
На степном распутьи я стою;
День сентябрьский понемногу клонит
На курганы голову свою.

Вот они — славянские просторы,
Щедрую простертые судьбой,
Из холмов пустынные узоры,
Дол замгленный, дальний волчий вой;
Гон ветров от века над степями,
Над могилами грачиный грай;
Путь, пройденный в прошлом стариками,
От Оки и Камы за Дунай;

Теплинки на берегах реченок,
Песен разудалая тоска,
Старый странник, ясный — как ребенок,
Деревеньки дым из-за леска

Издаലെка смотрит колокольня
Куполом, слинявшим от дождей.
Картузишко мокрый я невольно
Снял с любовью грустной перед ней.

На степном распутьи в день дождливый
О тебе молюсь, моя земля:
Да не ступит враг славян кичливый
На родные милые поля!

7-1X-914

Когда пыль памяти седая
Взвевается в ночной тиши,
И ветер, ветки нагибая,
Листву последнюю души
Срывает, — выйди на дорогу,
Прижмись к березке головой,
Вздыхни, прислушайся немного,
Взгляни на небо над собой,
И ты поймешь, что в жизни темной
Есть цель, влекущая вперед,
Что в дом родной твой дух бездомный
Свой совершает перелет...

1911

В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Зарею кровавою
Пылает река;
Над Волгою плавая,
Горят облака.

Пустынна околица,
Далек кругозор;
Заре словно молится
За Волгой бугор.

В болотце кивикая
О куче забот,
Какая-то дикая
Пичужка поет.

К ночлегу собирается,
Галдит воронье;
С судьбой примиряется
Сознание мое.

На сердце печальная
Любовь пролита,
Дороженька дальняя
Темна и пуста...

14-11-1914
Москва

НА НЕБЕ

Огни трепещут городские,
Ладони холодит гранит;
Вдали в раздолиях Россия
Неисходимая лежит.

С землей немотствующей споря,
Крутые облака гоня,
Гудящий вешний ветер с моря
Протяжно воет на меня.

И в этот час готов я верить,
Что снова убегу туда
Степными поприщами мерить
Уединенные года.

1. 1916.

Аскольдову

Заворожил нас Петроград
Газетно-театральной ложью,
И мы забыли, как горят
Костры зари во славу Божью.

Прильнешь к седлу, взметнется плеть,-
А степь пуста и неоглядна.
И - Господи! - как хочешь жадно
Скакать, устать и умереть!

Пускай лепечут мудрый бред
Философы, седые дети, —
Мне больше, чем все книги эти,
Отрады даст степной рассвет!

25-X11-916

К СОЛОВКАМ

Блекнет вечер синеглазый,
Мгла, болото, прель;
Попрошкой — неотвязной
Плачет коростель.

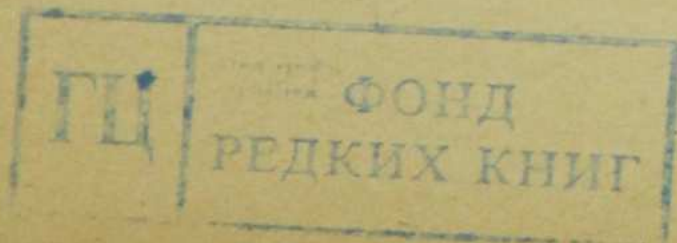
Лечит бес свое копытце
На еловом пне.
И о черном помолиться
Надо будет мне.

Видно, щупленький отпрыгал
Ноженьки свои,
В теле тьма еловых игол,
В голове — репы.

Подойду-ка, да спрошу-ка,
Как его дела.
Может, беса тоже мука
В кочки завела.

Может, он забудет часом
Долг пред сатаной.
Помолюсь пред Добрым Спасом
О судьбе лихой.

12-1-917.

ДОРОЖНАЯ ТОСКА

1.

— Трогай! - Гей вы, родные! — И тянется
Деревенька, околица, мгла.
Сонно баба с ребятами взглянется
Из-за радуги мутной стекла.

Потрясемся от грязи объездами
По трясучим колючим межам;
Голый тал безнадежными жестами
Помахает жалеючи нам.

Вот обоз с лошаденками хилыми . . .
— Рожь почем? - По полтине . . . — Цена!
Мужики пудовыми бахилами
Из телеги торчат вполпьяна.

Задымишь от тоски папироскою.
Бубенец монотонно поет,
Что истлел над равниною плоскою
Как то зря непутевый народ . . .

16-1X-1913

Чердаклы.

2.

Пропала во мраке тропинка.
Туманом запахло с болот,
И месяца медная льдинка,
Обтаяв, по ветру плывет.

Зажег я костер у дороги.
Безлюдье, бугор да ветла,
Да тень моя длинные ноги
В соседний овраг занесла.

Потрепанный паспорт в кармане
О прошлом напомнит моем . . .
Поплачь, моя мать, об Иване,
Что сгинул в тумане ночном!

Молись о бездомных бродягах
На русском безпутном пути.
Чтоб им в роковых передрягах
Обратно дорогу найти!

1913.

3.

Заврежье, Майна, Ить, Ундоры —
Смутны урочищ имена,
Таинственны твои просторы,
И вся ты, Русь, темным-темна!

Ползут куда то чрез овраги,
Через низины и горбы
Проселков грязных передряги,
Как символ передряг судьбы.

Народ — безформенный, безмерный,
Еще не оживленный прах.
Пока струится запах серный
От сил, клубящихся впотьмах.

Кабак, мятеж, мираж Сибири,
На сходах и в душе — галдеж
Когда-ж средь азиатской шири
Ты сердце мутное уймешь?

В ухабах гиблых бездорожий
Невольный страх пронзает грудь,
Что ты сойдешь на путь негожий —
Куда нибудь и как нибудь . . .

1914.

4.

Под сим крестом, должно быть, убиенный
Покоится. Крест дряхлый и кривой.
Сквозит в заре покой небес нетленный
И вечеряющей земли покой.

Осыпалась могилка ржавой глиной,
Оскалилась шпаклевка с образка.
Стон коршуна с осенней паутиной
Замедленно плывет издалека . . .

Попискивают мыши, пахнет пылью,
Пуста дорога. И смиренный крест,
Кого то примиривший с горькой былью,
Благословляющий возносит жест.

1917.

5.

Торчок обветренного стебля
На скате бурого бугра
С мышинным шорохом колеблет
Бессонный ветер до утра.

Звезда какая то трясется
От холода в осенней мгле.
Не думается, не поется,
Не спится на сырой земле.

Лежу, подпершись кулаками,
Как маленький, дрожу, молчу.
Рассвет затеплил за холмами
Руками зяблыми свечу.

Но свет ее такой холодный,
Такой мучительно-больной,
Что где то даже волк голодный
Завыл, давясь своей тоской.

1916.

6.

Дожди, а утром — инеи,
Степей просторы синие
Заплаканы, пусты.

Кой-где дымки означутся,
Кой-где по ветру плачутся
Ракитника кусты.

Над пустырями голыми
Дождливыми подолами
Нависли облака.

Бубенчик ноет, блямкая,
И душу тянет лямкою
Дорожная тоска.

Темнеет грязь навозная,
Рыдает ось обозная
По валкому пути.

Похилились селения,
И, кажется, спасения
Народу не найти.

1914.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Наполнена с краями лунной мглой
Лежит недвижно степь. Прядет ушами
Мой конь и рвется. Где-то за холмами
Раздался волчий одинокий вой.

В унывном ритме этого вытья
Знакомый ныне сердцу вопль тревожный
Судьбы бродяжной, жизни бездорожной
С сочувствием собрата слышу я.

И, сдерживая лошадь, на скаку
Стараюсь перелить в скупые строки
Затерянный в пространствах вой далекий,
Его во тьму текущую тоску.

Быть может, я — такой-же волк-изгой —
Заставлю над созвучными сердцами
Звучать печально-мерными стихами
Его и мой бездомно-горький вой.

1911.

Чуть-чуть откроет на востоке
Оконце девичье заря,
Я бурку привяжу в тороки,
С конем, как с братом, говоря.

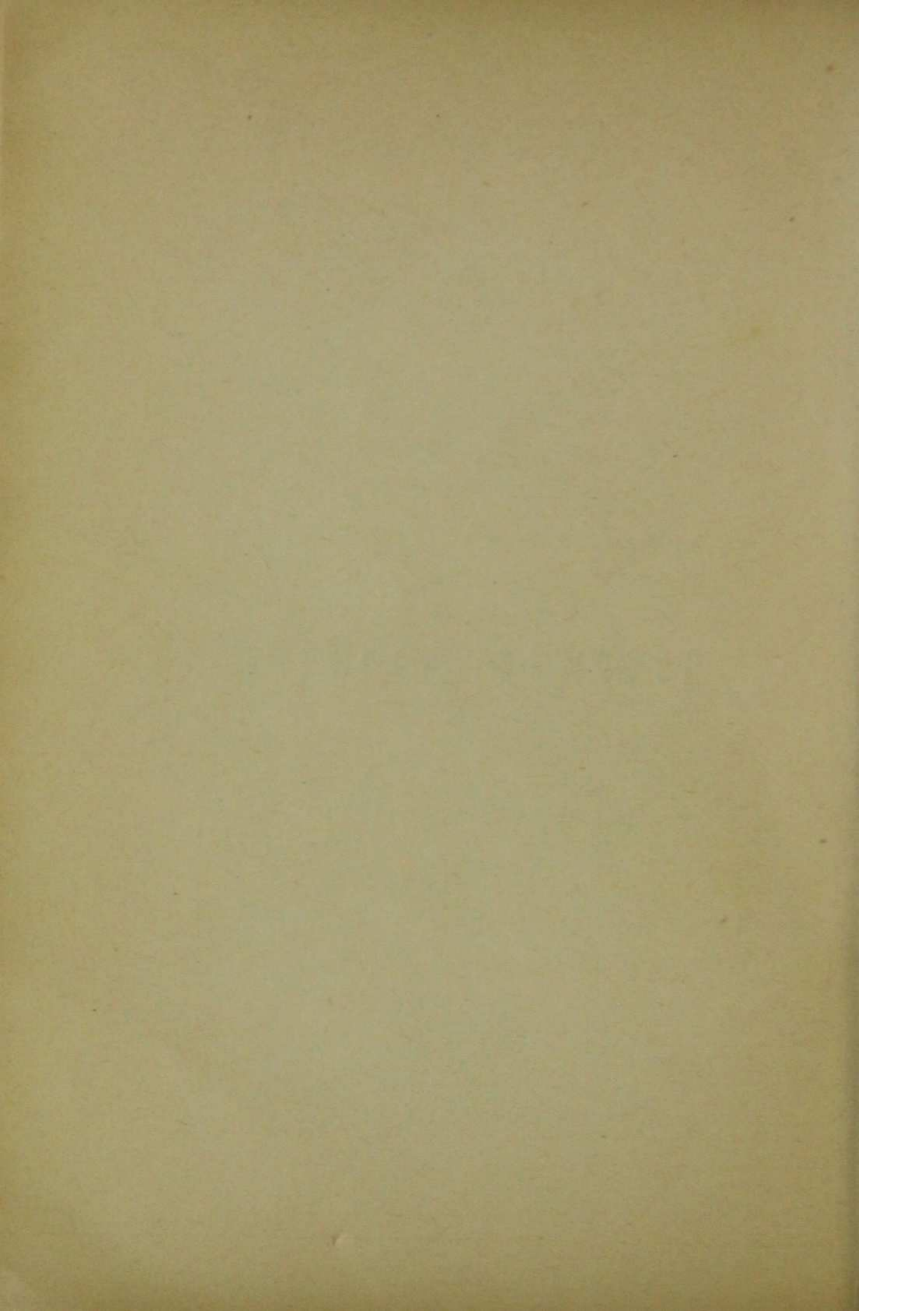
Кругом начнут дымиться доли,
Полынной горечью пахнет,
И горизонт каемкой голой
Как сон из сумрака всплывет.

Кузнечик цыкнет осторожно,
Тушканчик прыгнет на бугор,
Копыта снова свой дорожный
Начнут с песками разговор.

С седла оглянешься. — Эх, Серый,
Прости меня! зачем, куда
Плетусь без крова и без веры
В свои последние года!

XI-914.

Степные ночлеги

СТЕПНЫЕ НОЧЛЕГИ

1.

Заря томится, тихо потухая;
Простонет ястребок, спеша к гнезду;
Ниспосылает в мир Рука Благая
Первую дрожащую звезду.

Бреду, не ожидая встреч лукавых.
Течет в пустыню ночь. Летит, шурша
По выжженным холмам в полынных травах,
Ветра безприютная душа.

У шалаша вдали огонь проглянет,
Там пастухи-киргизы и стада . . .
И как-то хорошо, что не вспомянет
Странника никто и никогда.

5-X11-916

2.

Плеяды кротко над востоком,
Смахнув с ресниц своих росу,
Полупрозрачным смотрят оком
На утра раннюю красу.

Сова усталая простонет,
На дневку на курган спеша.
Собачий лай вдали потонет
У кочевого шалаша.

Из тьмы, как караван верблюжий,
Холмы означатся кругом,
И свяжет что то с жизнью туже
Бродягу на пути глухом.

Дремотный ритм седла степного,
Рассвета бред в дали седой,
Пустыннодолья кочевого
Зовущий голос ветровой...

1915.

3.

Издалека завоюют собаки,
Плач печальный услышишь овец,
И закат за холмами во мраки
Проливает тихий багрец.
Прогнусавит сова, пролетая,
Посвистят зверушки из нор.
Покачнувшись, вползает кривая
Моя тень на ржавый бугор.
И объемлет покой и мечтанье
На пустынной вечерней земле,
Отдаленных созвездий мерцанье,
Одинокое счастье в седле.

1915.

4.

Порозовело небо на востоке.
Зверье, наевшись, в норы разбрелось.
Лишь сыч кружит и стонет одинокий,
Во мгле промокший от росы насквозь.
Овеян я предутрием и глушью,
Отъединенностью от всех веков,
Как будто душу дал Господь пастушью
Мне, беглецу из шумных городов.
От мятежей стареющей Европы,
От яда книг и от любви твоей
Меня спасли водительницы-тропы
В неведомой республике степей.
Волнуй себя экзотикой распада,
Развратом духа, горечью ума . . .
Я все простил. Мне прошлого не надо.
Лишь — этот путь, безлюдье, грусть и тьма . . .

1916.

5.

Скрипит дергач в сыром долу.
Заржавел месяц круторогий.
И кажется, что без дороги
Плывет вселенная во мглу.

Костер пастуший полусгас.
От комаров свистя хвостами,
Столпились кони рядом с нами
И смотрят — кроткие — на нас.

Запахло мятой по росе.
Густеют мрак с туманом в поле.
В часы ночные поневоле
Мы в мире сиротеем все.

Животных присмиривших взгляд
Так братски близок этой ночью!
Не одному ли Средоточью
Все твари втайне предстоят!

1917.

6.

Степь, озаренная луной,
Как жизнь, расплывшаяся дымом,
Уходит в сумрак предо мной
Своим простором нелюдимым.

Еж прошмыгнет, шурша песком.
Мяукнет ястребок спросонок.
Шакал заплачет за кустом,
Как разобиженный ребенок.

За часом час все тот же мрак.
Душа тревожна. Даль пустынна.
Съезжаешь в темный буерак.
Въезжаешь на бугор полынный.

На том бугре — нора сурка
И куча камня, и слепая
Глядится ночь издалека,
Порой зарницами мигая.

Зарницы тускло озарят
Кусты полыни, глину ската,
Равнин и взгорий смутный ряд,
Покоем мертвенным объятый.

Как одиноки мы с конем
С своею грустью сокровенной
И как томительно вздохнем
Перед лицом немой вселенной!

1915

Векиль-Базар.

7.

Плеяды прослезились за холмами,
И холодок пронырливый рассвета
По миру крадется. Намечен угольками
Привал зари на дальнем небосклоне.
Легка судьба бездомная поэта!
Дрожишь и голоден. Но мир пустынный
Раскрыт страницей дикой и полынной
На зеленеющем степей амвоне.

1912.

8.

Ржавое солнце угасло,
Тонут в закате холмы,
Льется вечернее масло —
Запах полыни и тьмы.

Сядешь на камень замшелый :
Теплый он, словно живой,
Тысячелетнее тело
С тихой и грустной душой.

1913.

9.

Есть радость острая в бездомном
Скитаньи по степям глухим.
Мы все на дне души таим
Родство сознанья с миром темным.

Мы чувствуем и крик совиный,
И дальний вой, и ветра шум,
И тянет наш заблудший ум
К глубокой мудрости пустыни.

1913.

11.

Полюби эти мраки,
Скрежет ветра в кустах,
Тут зловещие знаки
На больных небесах,
Когда месяц вонзает
Ржавый ноготь в бугор,
И зверье вылезает
На полночный простор!

1913.

12.

Вдалеке огонь пастуший,
Промелькнув, пропал;
Конь, настороживши уши,
Вздрыгнул и заржал.

Я треплю его рукою:
Друг мой, сколько раз
Этот свет для нас с тобою
Вспыхивал и гас!

1914.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

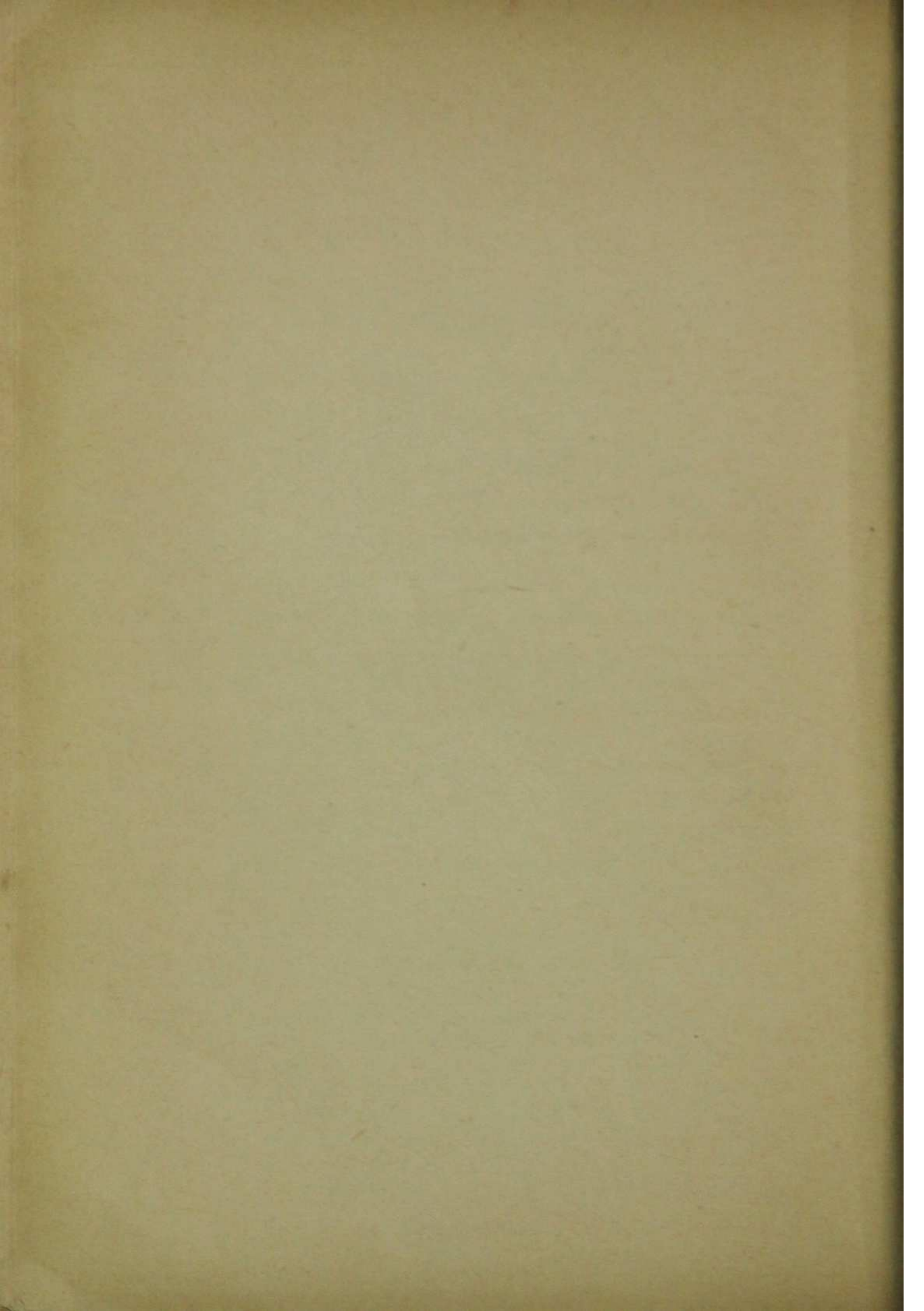
Ночь темнеет. Тропинкою
Вдаль уводят поля.
Веет ветер, с былинкою
Мимоходом шая.

Вижу области горние,
Слышу времени лет,
И в душе все упорнее
Тихий голос зовет :

От земного страдания,
Рокового пути,
От больного сознания
Примиренным уйти!

1912.

Туркестан

ГРОЗА В СТЕПИ

1.

С киргизом едем. Он поет
О том, что поспеваает просо,
И смотрит равнодушно-косо
На облаков тяжелый лет.

Песчаных туч близка стена.
В испуге иноческой ризой
Накрылся день. Над далью сизой
Багрится солнце, как луна.

Взывают ветры по холмам,
Воротят кони головами,
И гром чугунными устами
Из вечности грохочет нам.

1911.
Сазан-тюбе.

2.

Дождь шумел, и рокотали громы.
Полы туч влеклись в долу омытом.
Ветер выл, как безприютный зверь.
Расплескавши гнева водоемы,
Молнии блистающим копытом
Прядали в распахнутую дверь.

Мне не страшно одному пред Богом
Грудь подставить ветру и простору!
Знаю, гнев Его не на меня.
Жребий мой — скитаться по дорогам,
Славить землю и в ночную пору
Греться с пастухами у огня.

1912.

Люблю дорогу безвестную
Среди безкрайных степей,
Земную даль и небесную
И тайну жизни своей.

Смотрю кругом с изумлением
На цепь далекую гор.
Каким поставлен ты гением,
Вселенной синий шатер?

Кто нас благою десницею
Скитаться в путь кочевой
С букашкой, зверем и птицею
Послал веселой гурьбой?

Мир полен гомоном радостным
Народов, стай, табунов,
И солнца пламенем благостным,
И буйным гамом ветров.

Вся жизнь — лишь лет и стремление,
Лишь пир, где чашу вина,
Смеясь, малютка-мгновение
Дает нам выпить до дна.

1912.

ТУРГАЙ.

Проснулся я от холода при свете
Сверкающего утра и увидел
За колыхавшейся дверной кошмою
Упавший за ночь бледный чистый снег.
Пустынная холмистая равнина,
Забавы ветра с пылью снеговой,
Души озябшей горькая бездомность,
Привычных дум неторопливый бег, —
Все это промелькнуло предо мною,
Пока киргизка, над огнем согнувшись,
Варила чай... Опять искать по степи
Такой же неприветливый ночлег!

Дрожа от ветра, через час вскочил я
На крепкую киргизскую лошадку.
— Прощай, хозяин! — Хош, таксыр! — Копыта
Зачавкали в подтаявшем снегу.

И снова потянулось нелюдимо
Степей Тургайских дольнее волнение;
На горизонте дремлющие тучи,
Как горы на далеком берегу;
Полет орла; следы лисиц и волка;
Пологие бугры могил калмыцких,
И темный страх, что в этих передрягах
Я уголек надежд не сберегу.

1913.

Кошма — войлок
Хош, таксыр! — Счастливо, господин!

НОЧЬ В ГОРАХ.

Из юрты вышел. Ночь дышала.
Журчала грустно Кара-су.
Луна над гребнем перевала
Взнесла печальную красу.

Шуршали травы под копытом
Коней расседланных. С высот
Над кочевым струился бытом
Кочевий звездных хоровод.

К седому камню, как к родному,
Прижался я своей щекой
И поверял ему, глухому,
Сомнений ропот роковой.

А он из глубины безвестной,
Где дух не облечен в слова,
Дышал и смутной, и чудесной,
И грустной тайной божества.

И гасла горькая тревога
Пред этой темной глубиной.
Не потому-ль из камня бога
Изваял древний предок мой?

1913.

ВЕЧЕР НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Над вечереющей землей
Пылает алый мак заката,
И темный остов Беговата
Вонзает в пурпур профиль свой.

Ак-су кипит, свергаясь в дол,
Блистая рдяной чешуею.

Оврагом узким к водопою
Табун со ржаньем подошел.

Киргиз, поводья опустив,
Слетает вниз с отвесной кручи.
Я слышу древностью созвучий
Без слов волнующий мотив.

Поет и ветер о своем
В горах бродяжестве упорном,
И ночь, таясь в ущельи горном,
Мне черным машет рукавом.

Как бы восставшая от сна
Душа глядит на мир родимый.
Ей путь пророчит нелюдимый
Над гребнем всплывшая луна.

1913.

АКВАРЕЛИ

1.

Пустынная степная даль,
Плешины с солонцами,
Небес глубокая эмаль
С резными облаками.

Киргиз вздремнул в пути глухом,
Уйдя в седло сутуло,
Вздремнул и конь под седоком,
И пыль под ним уснула.

Недвижны солнце, облака,
Киргиз и даль с холмами,
Недвижен мир, и лишь века
Уходят за веками

1913.

2.

Природы взор пустынный,
Холмы, тропа, степной
Томительно-попынный,
Но не гнетущий зной.

Проходят дни, недели.
Степная жизнь легка.
В седле, как в колыбели,
Качаются века.

Порой Чингиз взметнется.
Но миг — и средь степей
Лишь в песне отдается
Галоп его коней.

1932.

ВОЗВРАТ

Вновь услышал я: — селям алейкум! —
Ва алейкум ассалам! киргизы, козы
И тушканчики и мыши по лазейкам,
И степные, трепетные грозы!
Подает густой кумыс киргизка...
Разве мы с тобой не родичи издавна?
Разве не были с тобой мы близко - близко?
Разве не было нам славно - славно?

Затрусил мой конь ходой привычной
По волнам холмов и саев меж полыни,
Снова мне понятен ветра голос зычный
Из глубин желтеющей пустыни.
И влекут волнистые барханы
Над песками, над пустынной глиной
В азиатские загадочные страны
И к веселой простоте звериной.

19-III-1914.

В СТЕПИ

Когда я еду степью Туркестанской
Полимый зноем на коне степном,
В душе звенит пространств призыв цыганский,
Шуршит тропа безлюдьем и песком.

Как будто солнце горячо на плечи
Доверчивые руки мне кладет;
Разнообразят путь с холмами встречи,
Мышиный писк и коршунов полет.

Под ритм седла внимаю песнь пустыни —
Времен и ветра заунывный свист,
И чувствую, что навсегда отныне
Я — гражданин безлюдья, анархист...

1914.

БЕЗДОМНЫЙ ПЕС

К исходу ночи на меня нежданно
Пустынной свежестью повеяло со степи
И запахом безвестных трав востока.
Из-под плаща я выглянул. Безмолвье
По древнему простору Туркестана
Текло шуршавшей темною рекою.
Качались в небесах скорлупки-звезды,
И лодочка луны спускалась в гавань
Незримого за мглами горизонта.
Едва сквозили облики ближайших
Холмов волнистых... А со мною рядом
Лежал, свернувшись комом, пес, бездомный,
Вчера ко мне приставший средь безлюдья.
Его погладил я. Пугливо взвизгнув,
Он лег на спину. Жалобно со страхом
Глядел в мою измученную душу
Измучившийся одинокий зверь.
И я подумал:

— я растратил юность
В тоске, в безверьи, в горечи любви.
Но в чем виновна перед правдой жизни
Шершавая голодная собака?
И почему средь полноты вселенной
Не только человек, оторванный от мира, —
Несчастливы звери, воющие ночью,
Быть может, травы, ветер, эти звезды
И даже сам Всеведущий Тверец?

1915.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь отшумел. Сырою глушью
Несет с насыщенных степей.
На небесах — набросок тушью
Разбитых бурей кораблей.

Тропа потоками размыта,
Едва в седле сидишь порой;
Тяжеловесное копыто
Набухшей чавкает землей.

Движенья слышу отовсюду:
Журчанье, вздохи, трепет крыл,
Как будто сил веселых груду
Весенний дождь разворошил.

Устал, промок, но еду бодро:
Не дом ли Отчий степь кругом?
Дымок столбом пророчит ведро,
А мне кочевье с кумысом.

1915.

РАССВЕТ

Заря, как пастырь, на востоке,
На тайном стойбище своем,
Озябшая — огонь далекий
Зажгла в раздолии степном.

Туман окутал холм понурый,
Как ветхий череп, сединой.
Мелькает сероватой шкурой
Волк по уклону предо мной.

Тропа светлеет кочевая.
Сползают мраки второпях.
И ястреб, жизнь благословляя,
Летит с тушканчиком в когтях.

Из тварей всех, быть может, худший,
Быть может, всех несчастней я,
И все ж благославлю — заблудший —
Простую радость бытия!

1915.

Байрам-Али.

В пустые степи день с утра
Глядится долгим взором,
Солончаков блестит кора
Серебряным узором.
Курганов бурые шатры
Стоят в дали туманной,
С холма на холм летят ветры
В погоне неустанной.
С холма на холм тропа ползет
И тонет в дымках синих...
Душа моя, люби полет,
Безлюдный скок в пустынях!
Люби былинок нищий зрак,
Седла уют усталый,
Ночлега одинокий мрак
И голос рифмы шалой!

20-IV-915.
В. - Базар.

Прощай до завтра, путь-тропинка!
В ауле ночь я проведу.
Из бронзы девушка-текинка
Стыдясь, сняла с коня узду.
Старик почтенный смотрит строго,
Как бы не веря, что иных
Влечет беспечная дорога
Бесцельно меж степей глухих.

1915 .

ВЕТЕР

1.

О, вольный ветер, как люблю,
Когда, с зарей покинув горы,
Ты ткешь серебристый узоры
По золотому ковылю!

Когда кочевий дальних дым
И запах горечи полынной,
И облака — мы все летим
По прихоти твоей пустынной.

Когда с восторгом дикаря
Следишь, как пожирают тропы,
Со щебнем бурно говоря,
Копыта гулкие галопа.

А лошадь, гриву распустя,
По древнему степей безлюдью
Прерывно ржет угругой грудью,
Четвероногое дитя!

1917.

2.

С какой тоской порой ночной
Свой дикий вой ты, ветер степной,
Подъемлешь осенью глухой!

И глубока твоя тоска,
И облака твоя рука
Терзает в вышине седой.

Но я, слепой, пришлец земной,
Пленен тобой, твоей тоской,
Влекусь к тебе своей душой.

Пленит раба твоя борьба,
Твоя судьба, твоя гоньба...
Возьми с собой, о, ветер степной!

1917.

Торчат, насторожившись, уши
Бродяги-месяца вдали.
Из-за холма дымок пастуший
К ненастью тянет вдоль земли.

Тушканчик выпрыгнул из норки
И одиноко на бугре,
Привстав на лапки, тихий, зоркий
Как будто молится заре.

Весь мир объединен единой
Невыразимую красой.
Я словно спутан паутиной
С холмами, зверем и травой.

И внятн осени унылой
В степи неторопливый шаг,
Молящийся зверушка милый
И дым, сползающий в овраг.

1917.

ДЖЕЗ-ТЫРНАК

Мне отвели шалаш муллы,
Постлали войлок. Лег и в щели
Следил, как небеса темнели
И облака ползли из мглы.

Скитались мошки по щеке,
Над ухом нюхали собаки,
А ветер войлоки и мраки
Как будто тряс, сердясь, в руке.

В лицо забрызгало дождем;
Своей охрипшею гортанью
Мир обругал суровой бранью
Простуженный ворчливый гром.

Но дождь прошел, и ночь опять
Наполнил шорох жизни темной.
В соседней юрте полудремно
Запела над ребенком мать:

— Не плачь, дитя! Сквозь дождь и мрак,
Зубами щелкая, вприпрыжку,
Чтоб скушать глупого мальчишку,
Бежит к аулу Джез-тырнак!

Замолкла, спутавшись, она,
Должно быть, и дитя заснуло.
Над холмиком из-за аула
Тихонько выползла луна

И предо мною на холме
Кривою тенью вдоль дороги
Мелькнул как-будто зверь двуногий,
Бесшумно спрятавшись во тьме.

17-УШ-917

Д ж е з - т ы р н а к — персонаж киргизских сказок, получеловек-полуобезьяна, имеет длинные когти, живет в норах и пещерах; возможно, что это — остаток преданий о первобытных диких насельниках Азии, с которыми приходилось когда-то сталкиваться киргизам.

М у л л а — учитель; для занятий с детьми ему отводят в ауле обычно самую плохую юрту или даже шалаш.

Баксы протяжно завыл во след.
Во тьме я скрылся, переступив
Порог заветный, жилище див,
И стал взбираться на Кыз-Гумбет.
Порой шуршал под ногами гад,
Порою камень катился вниз,
Вздымался круче заклятый скат,
Все тише плакал вдали киргиз.

И вдруг слышался тихий стон.
Среди душевного мятежа
Я стал недвижно в тоске дрожа,
Одетый тьмою со всех сторон.
Полночный стон глубины могил
Так стал понятен душе моей,
Такую тяжесть ночных скорбей
И одиночества он таил!

Быть может плакал во тьме шакал,
Волк издыхавший или сова.
Но мне казалось: Иегова
Над обманувшей землей рыдал.
Заныла острою болью грудь,
И слезы капали по щекам.
К каким потерям, к каким же Тьмам
Ведешь ты древний заклятый путь?

С тоской вернулся я вниз к баксы,
И мы ушли от могильных мест.
Луна печально лила окрест
Сребро молчания и красы.
И с этих пор я боюсь путей
Отъединенных в полночных тьмах,
И жизни милый зеленый прах
Загадок вечных душе милей!

1917.

В БРИЧ-МУЛЛЕ

С вершин глядит орлиная свобода.
Костром горит заката пепелище.
С таджиком крепкое вино из меда
Мы пьем на балхане его жилища.

Пресыщен он убогой Брич-Муллою,
В Ференгистан влечет его, как к чуду.
— Тюрю, пожалуйста возьми меня с собою,
Я брошу все, тебе слугою буду! —

И слышится в душе его смятенной
Намеки книг, наук, стихов Гафиза,
Прельщенья чуждой жизни отдаленной
И бледных женщин странные капризы.

Приносит плов его хозяйка - дочка,
Красавица-подросток, и стыдливо
Рукой теребит пеструю сорочку,
Не смея вскинуть очи — черносливы.

Чимган пылает алою громадой,
Легли на отдых по ущельям мраки,
Несет из сада розой и прохладой,
Жужжат жуки — ночные забияки.

Жалею я, что в жизни невозможно
По прихоти менять судеб угзоры:
Таджику дать бы жребий мой тревожный,
А мне — любовь, вино, балкон и горы!

1917.

Балхана — балкон, мезонин. Ференгистан — Европа. Тюрю — господин. Чимган — одна из второстепенных вершин Тянь-Шаня в 80 км. от Ташкента.

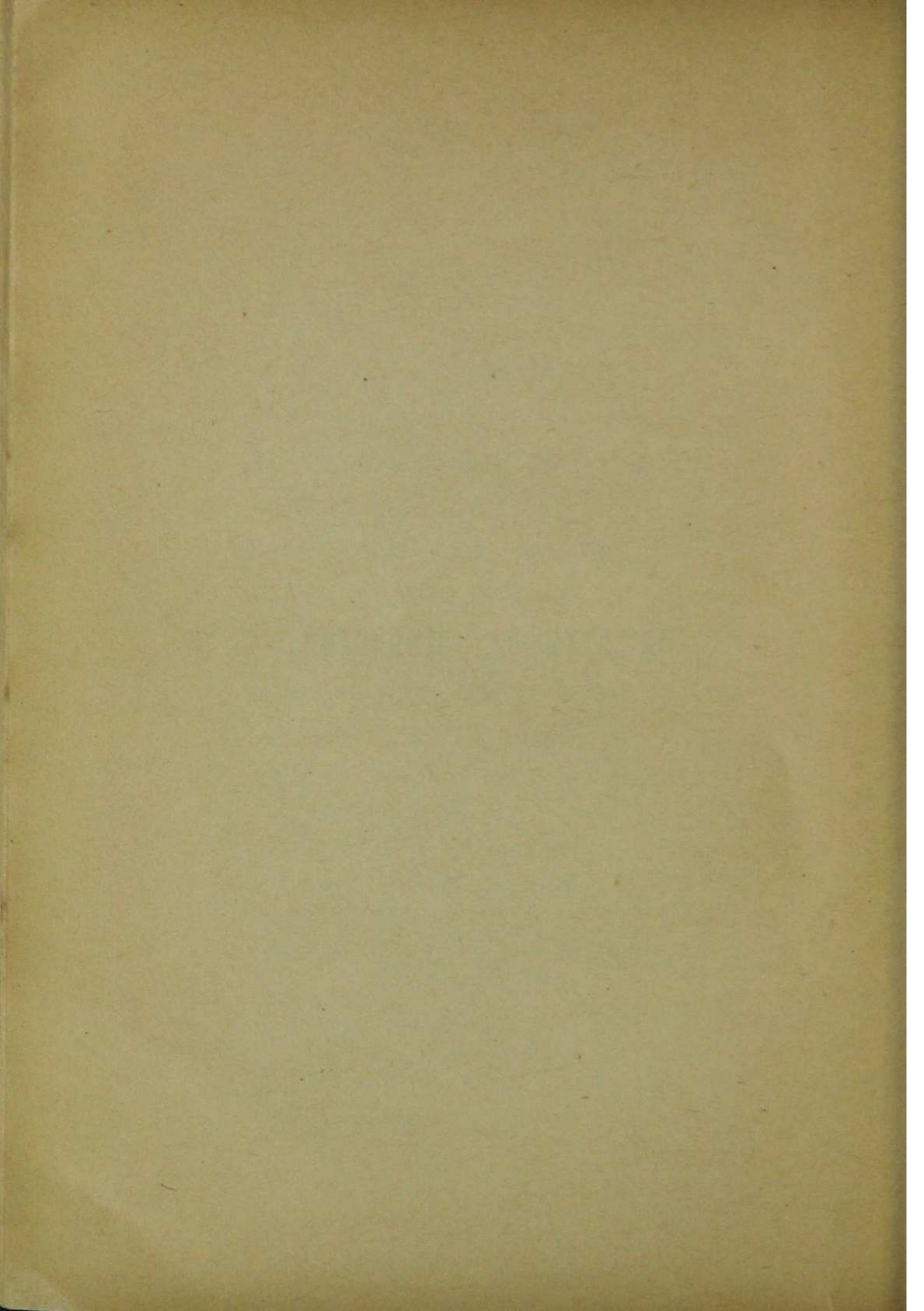
Тема.

Золотая скорлупка луны
Брошена и забыта,
Безлюдное средь тишины
Звонко воркует копыто.

Одинокость пустынных стран,
Древний прах под пятою . . .
Затерян в тебе я, Туран,
Только память о ней со мною.

27-1.

На пути в Афганистан

НА ПУТИ В АФГАНИСТАН

1.

Кричат сычи и цокают фазаны,
Неистовой вечерний гам цикад,
Заря горит, как уголек багряный,
Развалин ребра на холме торчат.

Над их веками сглоданным скелетом
Бродяга-месяц головой качнул;
Туркмен, вожатый в грустном мире этом,
В Эльбирин-Кыр ведет меня — в аул.

Звеня уздой, судьба приводит к ночи,
Измучив за день жаждой и дремой;
Бесчисленней, тревожней блещут очи
Других бродяг в пустыне надо мной.

А здесь, среди иной пустыни дольней
Медлительно с бархана на бархан
Меня ведет томительно-окольный
И горький путь в глухой Афганистан.

У-1914.

2.

Сгорает каемкою мутно — кровавой
Закат за холмами. Ни звука, ни дыма!
Какой то никчемный, обгрызенный, ржавый
Над кустиком месяц торчит нелюдимо.

Туркмен говорит, что доехать не сможем.
Вон там у колодца поспим мало-мало...
Что-ж, ладно и так! огонек мы разложим
И чайник согреем в степи одичалой.

Здесь меряют время не днями — веками.
Куда торопиться бродягам сегодня?
Пусть в мире пребудут с усталыми нами
Пустыня и звезды и близость Господня!

1915.

3.

Туркмен твердил слова Корана:
— Аллах акбар! — Господь велик!
Заря склонила за барханы
Потухший постаревший лик.

Толпой монашеской смиренной
Стал на молитву саксаул.
С распутий из глубин вселенной
Далекий огонек мелькнул.

Уснул я. Снилось мать-старуха,
Ее иссохшая рука.
Она кричала что то глухо
Мне с родины, издалека...

1914.

Барханы — песчаные холмы. Саксаул — ко-
рявое деревцо песков.

4.

Тяжелая медно-свинцовая мгла,
Как пыль от коней Чингиз-хана,
На выжженном юге рубеж облегла
Безвестного Афганистана.

Бугристые рыжие горы сквозят
Понуро — верблюдов за верблюдом.
Посыпанный пеплом простерся закат
Над Персией за Герирудом.

Взвевает шуршащий томительный зной
Иран воспаленной гортанью.
В тени у гробницы внимаю с тоской
Я лошади долгому ржанью.

Кладу ей на сбитую спину седло,
Подпругу на ребра сухие.
Скитания — наше с конец ремесло,
Отчаянье — наш стихия.

1914. Серахс.

Герируд (Теджен) — речка, пограничная между СССР, Персией и Афганистаном.

5.

Тоскливый мир! Песок сыпучий,
Да тощий злак в пыли,
Палящий зной, да ветер жгучий,
Да рыжий холм вдали.

Приник коню к понурой шее.
Из сущего мы с ним
Все безнадежней и тусклее
В грядущее глядим.

Порой я вижу, что с натуги
Гнедой едва бредет,
Горам, синеющим на юге,
Как бы прощально ржет.

Но все-ж идет в песках упорно
Слуга моей тоски,
Товарищ мой в невзгоде черной
До гробовой доски.

И легче я сношу лишенья,
Отчаянья недуг,
Когда сопутствует в бореньи
Четвероногий друг.

1914.

6.

Горячий ветер из Андхоя,
Измучив за день, к ночи спал.
Луна воткнула свой кинжал
В молчанье вечности глухое.
Подпругу подтянул устало.
Голодный конь заржал в тоске,
И тень кривая на песке
Опять на юг заковыляла.
Холм за холмом. Торчки полыни.
Полет могильщика-жука.
Сычиный крик издалека...
О, скорбь стнящая пустыни
В аул к афганам я заеду,
Скажу, что нужен мне приют.
Они в ауле не убьют,
Прогонят лишь, пойдут по следу,
Догонят, кончат за межой,
Возьмут коня, стихов тетрадь...
Но не прочесть и не понять
Им стих мой горький и скупой.

1914.

Серахс.

Пыльна дорога к Астрабаду,
Но мил чужбины кругозор,
И ветерок несет прохладу
С лесистых Хоросанских гор.
Впиваюсь жадными глазами
В холмы и пастбища вдали,
В изборожденные веками
Развалин остовы в пыли.
Смотрю на седенький, сутулый,
Забытый временем курган,
На иомудские аулы
И деревеньки персиан.
Былым насыщенные страны,
Загадка вы душе моей:
Вчера — поэзия и раны,
Сегодня — царство торгашей.
И этой Персией забыты
Гром поражений и побед
И говор Ксерксова копыта,
И огненный Гафиза бред...
- - - - -
Чу, чарводар поет уныло
О чем-то темном и глухом;
Как будто грудь его — могила,
Как будто все кругом — в былом!

1914.
Персия.

Над Астрабадом ночь глухая...
Не женщина-ль в бесмолвьи гулком
Ко мне, волнуясь и вздыхая,
Идет безлюдным переулком?

Нет, никого! Курю с тоскою,
Ленивый стих пишу от скуки.
Влачатся долгою чредою
Раздумий тягостные вьюки.

Над крышей выплыл месяц бледный,
Волнует хруст цикад из сада...
Уйти-б от прошлого бесследно
В быт затаенный Астрабада!

Забвенным персом быть, и к ночи,
Наторговав свои два крана,
Глядеть в заугленные очи
Покорной женщине Ирана.

Но завтра утром вновь в седло я,
Опять плестись до Чикишляра,
Опять пустыня да степное
Глухое пенье чарводара.

12-VII-1914.
Астрабад.

Стремена, звенящие в пустыне,
Саксаула шум и крик сыча,
Ветра зов у самого плеча
Полюбил все это я отныне.

Бездорожье, родина моя, ты
Так вольна, пустынна, широка!
Древние багряные шелка
Персия постлала на закаты.

12-УИ-914.

ШАХ МАЛИК

В степи рокочет конский скок,
Струится блеск мечей колючий,
Закрыли запад и восток
Песков взметнувшиеся тучи.

И хрип, и стон, и крик борьбы,
Зловещей злобой смяты лица.
Как бич, свистит крыло судьбы,
Печально стонет ветер-птица.

Ушел от битвы Шах-Малик,
Сидит в седле своем понуро.
Он знает: миг — и он поник
Пред силой гордого Тимура.

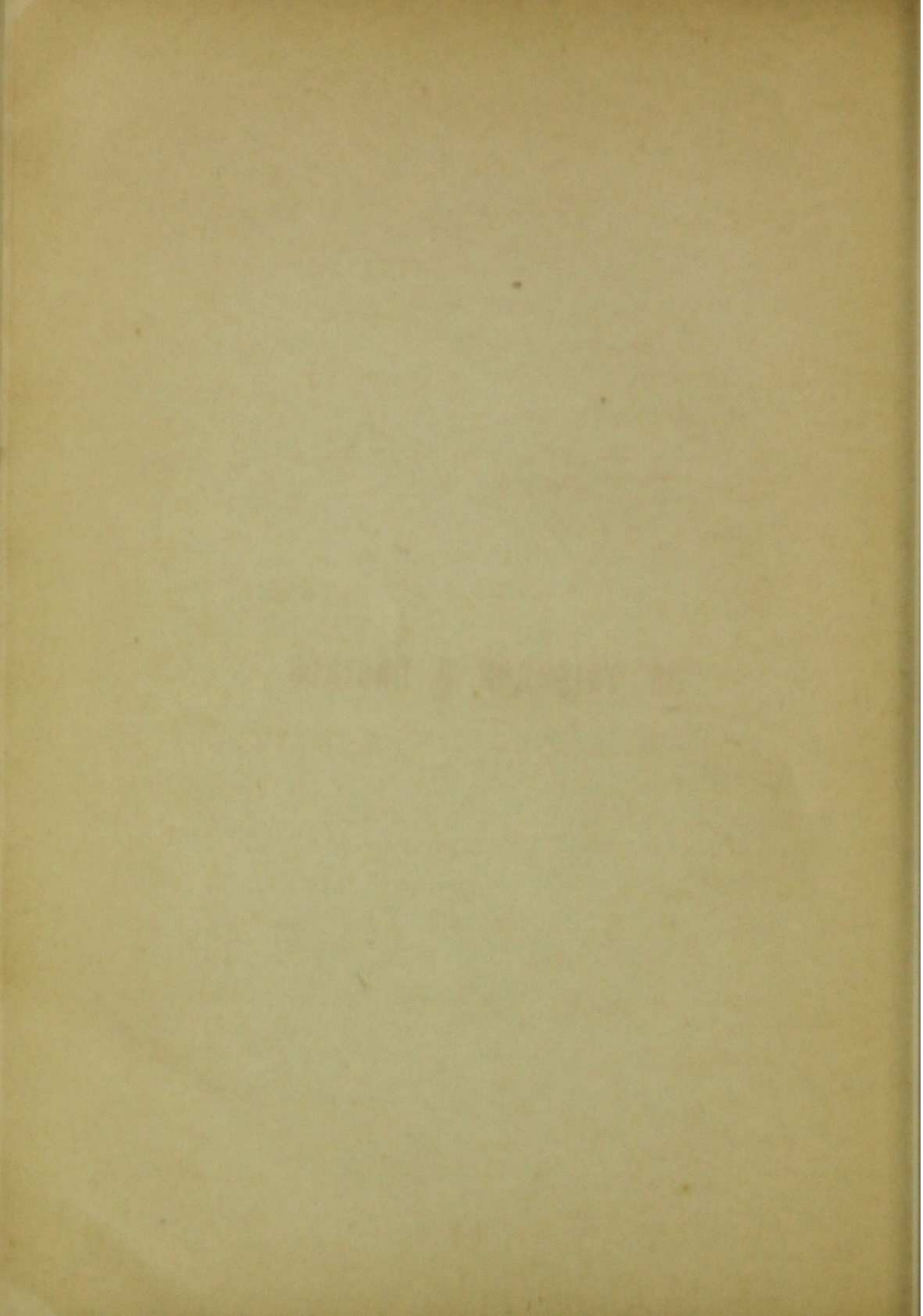
Вот-вот прискачет кто-нибудь,
Скосит испуганно глазами
И крикнет: — Шах, скорее в путь,
Разбиты мы, Тимур за нами —

Но нынче чужд Малику страх,
И пусть судьба играет шахом, —
Гафиз сказал: венчаный прах
Всегда лишь будет только прахом.

Спокойно слез Малик с коня
И пишет на песке пустыни:
«Гафиз стихом пленил меня,
Не ты, Тимур, своей гордыней».

1914.

Из тетрадей и листков

П А Н

Лежит на глинистом изрытом скате
Усталый, грязный, одинокий Пан...
Ласкает землю небо на закате
Пейзажами небесных дальних стран.

Доносит ветер ржанье жеребенка,
Грызет мышенок стебель джантака,
Степной мираж воды полоской тонкой
Обманывает глаз издалика.

Как-будто тот же мир, но все иначе —
Пустыннее, бледнее в нем теперь.
Недаром ветер веет, словно плача,
Недаром стал блудлив и робок зверь.

С копыта грязь скобля, глядит Двурогий
На дым пастуший за степным холмом.
И для него замкнулись все дороги
Селеньями, кочевьями кругом.

В удел осталась жалкая отрада
Стравить посев, испортить водопой,
Или, послав волков в набег на стадо,
Полакомиться тощею овцой.

5-УІІІ-1974.

Садится солнце за поля,
Вдали леса и Бог...
И месяц, золотом пыля,
Повесил ржавый рог.

Умолк давно безумный бред
Безумных лет любви.
Но все же огненный их след
Живет в моей крови.

Вот почему в вечерний час
Нежна моя рука!
Вот почему гляжу на вас
Как бы издалека.

30-IV-919.

Я слышу весну в январе,
Когда теплый ветер подует
И сердце тревожно взволнует
На тихой вечерней заре.

Я чувствую осень весной,
Когда над прозрачною далью
Холодной октябрьскою сталью
Темнеет ненастье порой.

Я слышу любовь с первых встреч,
Когда вдруг поймешь с изумленьем,
Что в сердце пахнуло томленьем,
И как-то срывается речь.

И нашего счастья закат
Слежу по рассветной заре я,
Когда Вы, любовно жалея,
Прозрачный мне дарите взгляд.

2-II-1920

Смотрю ли в небо голубое,
В ночи-ль мечты свои таю,
Слежу ли время роковое, —
Я чувствую любовь твою.

Она ведет меня в пустыни
Бездушных сумасшедших дней,
И тихо в сердце тает иней
Бездомной старости моей.

3-II-1920.

НА КОК-СУ

Л.

Рассказывая про былое,
Как встарь, течет-кипит Кок-Су.
Заката око
Позолотило золотое
Твою осеннюю красу.

Превращены мои желанья
В прозрачный золотистый свет.
И издалека
Едва доносится дыханье
Умчавшихся в былое лет.

Их буйный хмель невозвратимый
Как будто воротить спеша,
Надеждой хрупкой
И страстью острою томима
К тебе, голубка,
Любовно тянется душа.

8-1У-920.

Лишь неба клочок увидеть из окна,
Услышать собственного сердца стуки,
К своим щекам прижать по-детски руки
И твой приход почувствовать, весна!

1920.

Первый час ночи,
Ночь глядит в очи,
Жалко себя мне!
Голые камни
Кустик бы, что-ли,
Ветер бы с воли
Тройка бежала-б
Сердце без жалоб

Пора ложиться спать.
Как старуха-мать.
Весна цветет кругом.
В сердце моем.
Хоть малый, тихо рос,
Мне зов принес!
Туда, где в тишине
Уснуло-б во мне!

У-923.

Чернеют вечера, сереют годы,
В душе все ветер, ветер... не любовь,
А старческая желчь свободы —
Ненужной! — раздражает кровь.

Осталась лишь одна — последняя! отрада:
За шахматною постигать доской,
Что преходящи ухищренья ада,
Не колебим порядок мировой!

1-XI-923.

СМЕРТЬ

Осеннее солнце, поля, паутинки,
Вдали — горизонт голубой,
И змейка бегущей в пространство тропинки
Безмолвно зовет за собой.

Как будто немного, и ты потеряешь
Все связи с былым до конца,
И близкого друга совсем не узнаешь,
Любимой не вспомнишь лица.

Останется только пустынное поле
С простором его голубым,
В котором сознание без страха и боли
Тихонько растает, как дым.

17-IX. 926.

Взглянешь в окно на город ночной,
Спросишь судьбу: зачем и куда?
Треплет, уносит ветер года —
Желтые листья по мостовой.

Чье то лицо вонзится в тебя.
Это ж она! Но время не ждет.
Ветер уносит листья вперед.
Новую встречу и любви не любя.

Только стихи в душе зазвучат,
Как в кабаке утонешь в тоске.
Вот и седая прядь на виске.
Годы все также вихрем летят.

Взглянешь в окно на город 'ночной,
Спросишь судьбу: зчаем и куда?
Броситься что ли вниз головой
И позабыть себя навсегда?

19-IX-1926.

АЗИЯ

(Вариант).

Колыбель и надгробье,
Пра-культура, пра-глушь, —
Ты глядишь изподлобья
На сумбур наших душ.

Возрастила ты злаки,
Оседлала коней,
Пролила ты во мраки
Тихий свет алтарей.

Обрела ты в пустыне
Изначальный закон,
Написала на глине
Начертанье имен.

Наполняла ты тропы
Гулом конских копыт,
Потрясала Европы
Зарождавшийся быт.

И с невольным вопросом
До сих пор мы в твоём
Древнем взгляде раскосом
Новых замыслов ждем.

4-УШ-928.

Бегут сумасшедшие годы,
Звенит колокольчик-мечта,
И юноша седобородый
Вдруг видит, что жизнь прожита.

Он может, коль хочет, смеяться,
Он может поплакать в тиши,
А годы без усталости мчатся
С остатками юной души.

1-У1. 929.

Я слушаю вьюг завыванье
В пустынях отживших сердец,
Я чувствую горечь сознания,
Что близок печальный конец.

Но самое главное — это
Бессилье понять, почему
Душа человека от света
Бежит в безысходную тьму.

4-IX. 931.

Медлительно по азиатским долам
Текла вперед истории река,
Порой плескаясь гунном иль монголом.

Забыты нами кочевые тропы;
Наполненные ржанием века
Заглушены шофферами Европы.

Но нас ведет тропинкой прихотливой
Судьбы неугомонная рука,
Сменяются приливы и отливы.

Для наших внуков не придет ли время,
Когда они средь смут издалека
Услышат вновь бряцающее стремя?

10-IX-932.

В МАТРОССКОМ КАБАКЕ

Когда на мир нисходит мрак,
Неразрешимые вопросы,
Люблю порой уйти в кабак,
Где дико пьянствуют матросы.

Там власть дает мне скверный ром
Иной увидеть мир, нездешний,
Над нашим безысходным злом
Сияющий красою вешней.

Кипенье скорби мировой,
Звон золота, мольбу, рыданья
Преображаю я в покой
Вновь созданного мирозданья.

И тот матрос, что здесь, как волк,
Глядит кругом и ищет ссоры,
Там в детской ясности умолк,
Взглянув в надзвездные просторы.

28-XII. 932.

ПОЭЗИЯ

Сей дар богов, сей пламень ледяной,
Перегоревший в слово жар сердечный,
Певучий ветер из страны иной
Над нашей жизнью быстротечной.

Мы слышим в нем и муки естества,
И радость житнетворческого пира,
И падает багряная листва
С садов священных на дороги мира.

Но гордый ум, водитель жизни нашей,
Оценщик благ на рынке городском,
Глумится часто над волшебной чашей,
Над бредовым ее вином.

1933.

НА ПРОГУЛКЕ

Медлительно вечер навстречу ведет
Прохожих и окон туманный черед.
Был молод и ты, и вон та же звезда
Сияла над миром вечерним тогда.
Но жизнь отсмеялась, друзья отошли,
Любовь догорела, и сердце в пыли...

- - - - -
Доходит до нас через тысячи лет
Угасшей звезды отсветившийся свет.
Так слышишь и ты из истлевших гробов
Былого знакомый настойчивый зов.
И юность ты вспомнишь, и скорбную мать,
И книги, что ты собирался писать,
И книги, что ты написал, рубежи,
Которые ты проходил...

Расскажи

О правде прошедшего, но не тревожь,
Могильщица-память, уснувшую ложы

11-XII-28 — 9-III-33.

Немало в мире зеленеет
Неведомых материков,
Немало в сердце цепенеет
Невысказанных чувств и слов.

Измученные нервным зноем
Испепеляющих нас дней,
Мы, может, так и не откроем
Прохлады в глубине своей.

15-III-1933.

Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам ведом.
Поэтому близка ты нам
Та песня, что когда то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

1933.

ВЕСНОЙ

Опять в полях я, и душа нагая
Меж небом и землей одна, одна...
Весенний свет в пространства проливая,
Сияет голубая вышина.

Стоит повсюду тишина такая,
Что в воздухе недвижимом слышна,
Когда прорезает ласточка, играя,
Ее крыла звенящая струна.

Прислушаешься к сердцу. Даже в нем
Замолкли сожаленья о былом.
Судьба изменчивая, но благая

Ведет извилистым своим путем,
И чувствуешь, что ближе с каждым днем
К первоисточникам душа слепая.

17-18-III-933.

Сунгари-Шуанченпу.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Подражание Теннисону)

Бродит в небесах пустых
Месяц по тропе своей.
Сладок, ласков, сонно-тих
Ветер западных морей.

Мальчик, улыбаясь снам,
На груди затих моей.
Папу носит по волнам
Ветер западных морей.

В море страшно и темно.
Папу мальчик ждет давно.
Ах, верни его скорей,
Ветер западных морей!

16-IV-1933.

Чуть-чуть затеплилось вдали
Зари заплаканное золото;
Украдкой звезды понесли
Свои светильники куда то.

Замолкла, посерела тьма,
Как будто в первый день творенья,
Всплывает силуэт холма
Туманной первозданной тенью.

И следом дикою тоской
Нежданно крик совы гортанный
Прорезывает этот странный
Борьбой насыщенный покой.

28-II-933.

Вселенная прозрачною красою,
Волной прохладной, обтекает нас.
Трепещем мы крылом короткий час,
Как бабочки, над бездной голубою.

Но в этот час мы испытаем много
И счастья, и отчаянья... Порой
Среди раздумья в тишине ночной
Услышим даже тихий голос Бога!

19-IV-1935.

РАЗДУМЬЕ ЗА РАБОТОЙ

От цифр приподнимаешь взгляд,
И видишь — годы вдаль летят
Колонной журавлиной.

Любви трагический дымок,
Да дум развеянный песок,
Да сердца хладный иней.

Мое печально ремесло:
Доказывать, что лишь число
Лежит в основе мира.

(Закономерность величин
В мятелях следствий и причин
Над жизненной пустыней!)

Счастлив был, может, только раз
С забытым другом в поздний час
В хмельном чаду трактира.

Да радость горькую порой
Дарила праздною игрой
Прельстительная лира.

27-1-36.

* * *

Зажги, Пекин, вечерние огни
Морщинистой рукой,
От шопота столетий отдохни,
Глаза на миг закрой.

Пусть вновь нарушат старика покой
Слепой судьбы шаги, —
Ты равнодушною качнешь главой. —
Как тень пройдут враги.

И золоту из за запретных стен
Вновь улыбнется май.
Все в мире суета и тлен,
Недвижим лишь Китай.

13/IV-1937.

В вечерней полутьме едва маяча
И от усталости едва дыша,
Стоит пред Ним заезженная кляча,
Обглоданная временем душа.

Отчаявшаяся, полуживая,
Испившая судьбу свою до дна,
Она глядит на мир, не понимая,
Зачем была на жизнь осуждена.

Под кислотой отчаянья истлела
Последняя земная страсть,
И шелуха исчерпанного тела
Готовится — отжившая — отпасть.

27-У1-41.

О Г Л А В Л Е Н И Е

По Руси	Стр. 1
Полдень	2
Старость	3
Осеннее утро	4
Нищие	5
Брошенная изба	8
Вечером в марте	10
Речка Тананычка	11
Родина	12
Когда пыль памяти седая ..	13
В Астраханской губернии ..	14
На Неве	15
Заворожил нас Петроград ..	16
К Соловкам	17
Дорожная тоска	18
Пропала во мраке тропинка	19
Заврежье, Майна, Ить ..	20
Под сим крестом	21
Торчок обветренного стебля	22
Дожди, а утром инеи ..	23
Волчий вой	24
Чуть чуть откроет на востоке	25

СТЕПНЫЕ НОЧЛЕГИ

Заря томится, тихо потухая ..	27
Плеяды кротко над востоком	28
Издалека завоюют собаки ..	29
Порозовело небо на востоке	30
Скрипит дергач в сыром долу	31
Степь озаренная луной ..	32
Плеяды прослезились за холмами	33
Ржавое солнце угасло ..	34

Есть радость острая ..	Стр. 35
Полюби эти мраки ..	36
Вдалеке огонь пастуший ..	37
Вечерний час ..	38

ТУРКЕСТАН

Гроза в степи ..	39-40
Люблю дорогу безвестную ..	41
Тургай ..	42
Ночь в горах ..	44
Вечер на Тянь Шане ..	45
Акварели ..	46-47
Возврат ..	48
В степи ..	49
Бездомный пес ..	50
После дождя ..	51
Разсвет ..	52
В пустые степи день с утра	53
Прощай до завтра, путь-тропинка	54
Ветер ..	55-56
Торчат, насторожившись, уши	57
Джес-Тырнак ..	58
Баксы протяжно завыл ..	60
В брич-мулле ..	62
Золотая скорлупка луны ..	64

НА ПУТИ В АФГАНИСТАН

На пути в Афганистан ..	65
Сгорает каемкою мутно-кровавой	66
Туркмен твердил слова Корана	67
Тяжелая, медно-свинцовая мгла	68
Тоскливый мир ..	69
Горячий ветер из Андхоя ..	70
Пыльна дорога к Астрабаду	71
Над Астрабадом ночь глухая	72
Стремена, звенящие в пустыне	73
Шах Малик ..	74

ИЗ ТЕТРАДЕЙ и ЛИСТКОВ

Пан	Стр. 75
Садится солнце за поля ..	76
Я слышу весну в январе ..	77
Смотрю ли в небо голубое ..	78
На Кок-су	79
Лишь неба клочок увидеть ..	80
Первый час ночи	81
Чернеют вечера	82
Смерть	83
Взглянешь в окно на город ночной	84
Азия	85
Бегут сумасшедшие годы ..	86
Я слушаю вьюг завывание ..	87
Медлительно по азиатским долам	88
В матросском кабаке ..	89
Поэзия	90
На прогулке	91
Не мало в мире зеленеет ..	92
Чудесный жезл коснется снова	93
Весной	94
Колыбельная	95
Чуть чуть затеплилось вдали	96
Вселенная прозрачною красою	97
Раздумье за работой ..	98
Зажги, Пекин, вечерние огни	99
В вечерней полутьме едва маяча	100

